

УДК 061.2(4/9)

ББК 66.7(4/8)

DOI 10.22394/1682-2358-2020-3-41-49

Shoayb Mohammadi, post-graduate student of the Department of Comparative Politics, Peoples' Friendship University of Russia

THE IMPACT OF ISIL ON THE IMAGE OF IRANIAN ISLAMIC REVOLUTION

Implications of the creation of the "Islamic State of Iraq and the Levant" for the Islamic Republic of Iran are analyzed. The author concludes that, on the one hand, the formation of Takfiri groups, such as ISIL, cast doubt on the image of Islam in the public mind, and on the other hand, Iran's clear opposition to this extremist movement created a positive and stable image of the country in the world.

Key words and word-combinations: Islamic revolution, Takfiri movements, peaceful Islam, violence.

Шоайб Мохаммади, аспирант кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов (email: shoayb.mohammadi2016@gmail.com)

ВЛИЯНИЕ ИГИЛ НА ИМИДЖ ИРАНСКОЙ ИСЛАМСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация. Анализируются последствия создания «Исламского государства Ирака и Леванта» для Исламской Республики Иран. Делается вывод, что, с одной стороны, формирование такфиристских групп, таких как ИГИЛ, поставило под сомнение образ ислама в общественном сознании, а с другой – явная оппозиция Ирана данному экстремистскому движению создала позитивный и стабильный образ страны в мире.

Ключевые слова и словосочетания: исламская революция, такфиристско-салафитские течения, мирный ислам, насилие.

Ближний Восток в настоящее время сталкивается с нестабильностью и новыми вызовами. Современные такфиристско-салафитские течения были сформированы на политической основе без учета предыдущего опыта на Ближнем Востоке. Изучение изоляционистского прошлого исламистских течений и их идей, отраженных в фильмах, книгах и декларациях, приводит к выводу: существовали чистые принципы ислама во времена эпохи Пророка и первых халифов, к которым необходимо вернуться. Фактически вводимый такфиристско-салафитски-

ми движениями ислам не требует от них толкования священных текстов. Эти течения, называемые новыми салафитами, культивировали и реформировали личность до 1980-х годов и не имели ничего общего с политикой. Вскоре после исламской революции, когда иранские власти стали проводить политику ее экспорта, эти группы начали выходить на политическую арену и сражаться с арабскими режимами, а также противостоять либеральной политике западной демократии. Первые признаки распространения исламизма наблюдались в джихадистских движениях Северной Африки, а позднее — в деятельности Талибана в Афганистане.

Однако нельзя с уверенностью утверждать, что салафитские движения в то время стремились продвигать политические цели. Появление «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) в последние годы свидетельствует о том, что новые салафиты приступили к осуществлению проекта управления. С другой стороны, есть Исламская Республика Иран, политики которой в четвертом десятилетии революции продолжают выступать за распространение ислама (своего рода сопротивление нынешнему порядку и глобальной гегемонии США) в мусульманских странах [1, с. 185]. Присутствие Исламской Республики Иран в Ираке и Сирии для оказания помощи правительствам этих стран против ИГИЛ продемонстрировало важность противостояния подобного рода движениям для иранского правительства.

В обществе всегда обсуждались вопросы религии и фундаментализма, но в последние десятилетия тема религии плотно вошла в публичный дискурс. Дело в том, что религиозные вопросы интерпретируются и практикуются отдельными лицами и группами произвольно. Одной из таких мусульманских групп выступают салафиты (последователи салафизма — сторонники прошлого), не принимающие никакого диалога и не рассматривающие мирные отношения с другими религиями или культурами. Ахмад ибн Ханбал впервые выдвинул эту идею, затем она была подхвачена Ибн Таймией. По мнению Ибн Таймии, мусульмане имеют право управлять своим интеллектуальным пониманием Корана [2, р. 9].

На самом деле не будет преувеличением утверждать, что насильственный язык — террористы-смертники, убийства, распыление людей, обезглавливание — является неотъемлемой частью этих течений. Террористические акты самоубийства и убийства особенно привлекательны для фанатичных религиозных и националистических групп, которые считают их своего рода священной войной. Это явление особенно распространено среди мусульманских террористических групп [3, р. 308].

Деятельность исламистов направлена на свержение шиитских и неисламских королевств в арабских и мусульманских странах. Во всех такфиристско-салафитских течениях использование оружия является важнейшим знаком свободы. Кроме того, оружие выступает инструментом, который может привлечь внимание средств массовой информации и играет жизненно важную роль [4, р. 12].

Дискуссия о новом салафитском радикализме ранее не была политической: она основывалась на индивидуальных реформах, а не на джихаде и

борьбе с арабскими режимами. В настоящее время данный вопрос стал политизированным, в связи с чем ислам изображается нецивилизованным и воинствующим. Главным апологетом выступает ИГИЛ. Целью группы является разрушение границ Ближнего Востока путем формирования всеобъемлющего государства за пределами Ирака и Сирии. Лидеры ИГИЛ проповедуют, что мусульмане будут следовать за ними повсюду [5, с. 94]. Для достижения своих целей группа выделяет две важные духовные задачи, а именно: «миграцию» — миграцию в халифат, и «джихад» как форму борьбы [6, р. 152]. Нет сомнений в том, что мусульманская проповедь лидера ИГИЛ Абу Бакра Багдади исходит из мировоззрения, которое коренится в ваххабитской литературе. Следовательно, у поддерживающих данное предложение возникает чувство вседозволенности, в том числе оправдание в случае убийства детей и подростков за шиитские воззрения, женского рабства и изнасилования [6, р. 153].

До основания династии Сефевидов последователи-шииты всегда были в меньшинстве и жили в условиях угнетения и лишений, что способствовало зарождению шиитского духа воинственности с политической и культурной точек зрения. Именно поэтому шииты всегда были более революционными, чем сунниты. Восстание третьего шиитского имама в шиитском политическом мышлении является способом показать, что народ не должен быть пассивным в случае угнетения и проявлений коррупции [7, р. 68]. Такого рода объяснения были взяты после исламской революции 1979 г. имамом Хомейни. Правительства, избранные иранским народом, перешли от идеалистических подходов к рациональным методам осуществления внешней политики. Но противостояние политике США и помощь странам и людям, называемым угнетенными, — характерная черта сторонников исламской революции. В частности, имам Хомейни, лидер исламской революции, указывал: «Мы неоднократно заявляли об этой реальности и истине в нашей внешней и международной исламской политике, стремясь расширить влияние ислама — истинного ислама — в мире. Теперь, если американские слуги называют эту политику разработкой и идеей создания великой империи, мы не будем этого бояться» [8, р. 81].

Статья 154 Конституции Ирана гласит: «Исламская Республика Иран, отказываясь вмешиваться во внутренние дела других стран, поддерживает законную борьбу угнетенных против угнетателей во всех частях света».

Кроме того, имам Хомейни отмечал: «Когда мы говорим, что хотим экспортировать ислам, это не значит, что мы садимся в самолет и нападаем на другие страны. Мы не можем этого сделать! Но что мы можем сделать, так это ввести истинный ислам. Мы можем сделать это с помощью имеющихся у нас инструментов и технологий, таких как вещание, пресса, группы (научные, деловые, правительственные и т.д.), которые перемещаются за границу» [9, р. 364].

Статья 152 Конституции также вводит внешнюю политику Исламской Республики Иран на основе мирных отношений с невраждебными государствами.

Представленное объяснение, по-видимому, подразумевает, что Исламская Республика стремилась представить себя мусульманской и немусульманской общине, создав необходимые культурные и «мягкие» условия. Влияние Ирана на арабские страны Ближнего Востока и оказание помощи союзникам в противостоянии политике Саудовской Аравии и США может привести к дестабилизации внутренней политики в Саудовской Аравии [10, с. 34]. Более того, официальные лица Исламской Республики пришли к выводу, что новая программа США на Ближнем Востоке приведет к появлению более мелких государств, новых границ и, возможно, некоторой продолжающейся нестабильности. Посредничество в обеспечении стабильности и мира в Таджикистане, наряду с Россией, консультации Ирана с афганскими исламистскими группами с присутствием США для формирования верховенства закона являются яркими примерами внешней политики Ирана.

В настоящее время Иран также пытается сохранить территориальную целостность Ирака и Сирии, выступая решительно против разделения этих стран после появления «Исламского государства Ирака и Леванта». Следует отметить, что иногда поддержание стабильности и безопасности страны не отвечает интересам некоторых других трансрегиональных и региональных держав. Саудовская Аравия решительно выступает против присутствия Ирана в регионе из-за последствий исламской революции для региональных движений, особенно сопротивления некоторых арабских стран. Именно поэтому Саудовская Аравия поддерживает многочисленные партнерские отношения в области военной безопасности и политики с США и Израилем. Следует помнить, что до того, как поддерживающая политика Исламской Республики в отношении движений сопротивления в регионе и их тесные связи с ними были приняты всерьез, прогрессивные и освободительные идеи исламской революции уже достигли их территорий. Хотя некоторые суннитские арабские страны были дистанцированы от шиитской концепции исламской революции с ее революционным пониманием, революция имела свои последствия в арабских странах, но из-за прагматического взгляда на закон и некоторые правовые различия идеалы «исламского братства» снова были подорваны, что способствовало падению правительства Мухаммеда Мурси в Египте.

В суннитской юриспруденции понимание роли ули аль-амра, или правителя общества, отличается от шиитской юриспруденции. Шииты верят в особую структуру формирования правительства вице-имамом после непогрешимого имама, а сунниты не достигли определенной структуры из-за ссылки на действия компаньонов и последующего разнообразия способов, которыми правитель приходил к власти [11, р. 10]. В результате любой человек в суннитской юриспруденции, кто бы ни руководил каким-либо образом, должен быть принят народом, в отличие от шиитов, которые верят в борьбу против угнетения. В суннитской юриспруденции восстание против правителя весьма предосудительно. В нынешнюю эпоху произошло оспаривание мнений некоторых суннитских мыслителей. Нельзя проигнорировать близость идеи исламской революции в Иране и мысли суннитских интеллектуалов, «Братьев-му-

сульман» и даже некоторых салафитов. Смелые призывы заставили суннитов прийти к рациональному выводу, что они хотят желаемого правителя, хотя восстание против коррумпированного правителя запрещено [12, с. 13]. Эти неосионистские группы считают, что правящий суннит, например, должен быть верующим, чтобы выполнять основные положения и обязательства исламской религии и избегать секретности. Таким образом, несмотря на разногласия движения «Братья-мусульмане» с шиитами, его участники как никогда приблизились к шиитскому правлению.

После исламской революции Иран и Ближневосточный регион в целом стали более сложными для понимания, потому что жители стран Запада осознали, что религиозный фундаментализм находится на подъеме. Западные власти определили «любое движение, которое выступает за строгое соблюдение учений Корана и шариата (исламского закона)» как фундаменталистское. Данная западная трактовка характеризует всех одинаково, относя исламскую революцию в категорию фундаменталистских, что, естественно, благоприятствует региональным и трансрегиональным соперникам Исламской Республики Иран [12, с. 14].

Во время арабской весны правители монархических государств во главе с королем Саудовской Аравии выступили против народных революций. Они понесли огромные расходы, чтобы свергнуть правительство «Братьев-мусульман» в Египте через восемь месяцев с помощью салафитов под влиянием Саудовской Аравии. Исламская Республика Иран распространяла свою идеологию без физического вмешательства в революционные движения суннитских стран региона и Египта. Важно отметить, что на повестке дня, помимо интеллектуального и идеологического воспитания союзников Ирана, стояли вопросы финансовой и военной помощи [13, с. 26]. С учетом влияния правители государств Персидского залива, Израиля и Соединенных Штатов Америки стремятся противодействовать влиянию Ирана. Не следует забывать, что США приняли региональные руководящие принципы по данному вопросу, противоречащие интересам Исламской Республики.

Иран поддержал не все исламистские политические группы, потому что их идеи, методы и политика не соответствовали целям Исламской Республики. Например, хотя сирийские сторонники движения «Братья-мусульмане» приветствовали исламскую революцию сорок лет назад, иранские власти не поддержали их, поскольку «Братья-мусульмане» стремились свергнуть режим Хафеза Асада. В настоящее время Иран также решительно настроен против новых радикальных салафитских течений, хотя салафиты являются одной из групп, выступающих против модернизма и западной цивилизации в мусульманском мире. После того как ИГИЛ организовал глобальный и насильственный джихад во имя ислама, настороженное отношение других религий и народов к исламу и мусульманам во всем мире возросло.

Революционные цели, которые официальные иранские лица называют освобождением и господством, стали внедряться в арабских обществах на Ближнем Востоке, по заявлениям западных и арабских СМИ, для восстановления бывшей иранской империи. Правители арабских и американских стран при-

шли к выводу, что это может оказать серьезное влияние на мнение мусульманских и арабских обществ. В правоприменительной политике Исламской Республики постоянно подчеркивается роль религии как элемента, объединяющего мусульман региона. Интересно, что в Иране некоторые националистические группировки называют такую политику Исламской Республики своего рода потаканием арабам. В соответствии с арабской логикой поддержка Исламской Республикой Башара Асада может быть описана как шиитская, дружественная и экспансионистская. Следовательно, отношение некоторых арабов к иранцам будет отрицательным и совершенно конфронтационным [14]. Учитывая это предположение, военное присутствие США в регионе, пакты о безопасности с арабскими странами и продажа оружия государствам Персидского залива кажутся предсказуемыми.

Из-за экономических и социальных проблем, которых больше или меньше во всех странах, в Исламской Республике конкурирующие арабские СМИ получают возможность показывать негативные образы Ирана. Последствия такой пропаганды предсказуемо уменьшили склонность арабов к революционным идеям Исламской Республики Иран.

На более широком и глобальном уровне результатом такого салафитского мышления является серьезная волна исламофобии. Средства массовой информации также оказывают большое влияние на эту волну страха со стороны ислама. Делая акцент на исламском названии халифата Ирака и Леванта, насилии и угрозе нападений смертников на города и столицы западных стран, рисуется черная картина ислама, оказывающая влияние на умы людей западных обществ [15, с. 75]. Более того, в Европе и США были созданы сети ваххабитских шиитов и суннитов, которые выражают и пропагандируют свои радикальные отклонения от ислама. Это сыграло негативную роль в возбуждении людей, особенно в Ираке и Сирии. В силу своих религиозных, культурных и военных взглядов лидеры Исламской Республики пришли к выводу, что им необходимо делать больше с помощью сирийского и иракского правительств. Сунниты, проживающие в районах, контролируемых ИГИЛ, несмотря на несогласие с этими тенденциями, выражали поддержку группировке [15, с. 76]. Медиасети шиитов и суннитов резко контрастируют с нынешним режимом в Иране и его революционной идеологией. Такрифистские группы, особенно ИГИЛ, которые объявили себя суннитскими защитниками против империи Сефевидов, оказывают влияние на арабов-суннитов и даже некоторых светских шиитов [16, р. 52].

После консолидации идеологии исламской революции, окончания восьмилетней войны и более последовательной политики Ирана в отношении его региональных союзников (так называемых групп сопротивления), в частности «Хезболлы» в Ливане и «ХАМАС», США и Израиль пришли к выводу, что сунниты должны отдалиться от идеологии исламской революции [17, с. 83]. Для израильского правительства умышленное или неумышленное появление ИГИЛ является своего рода суннитским камнем против постоянно растущего влияния Ирана. В результате этого инцидента власти Исламской Республики Иран осознали опасность для своих интересов и начали борьбу

с ИГИЛ. Следует учитывать, что в силу сложности для Ирана одновременной поддержки своих союзников и борьбы с ИГИЛ, группы сопротивления, особенно движение «Хезболла», могут ослабеть. В конечном счете подобное развитие ситуации, по-видимому, выгодно Соединенным Штатам Америки и Израилю, что приведет к территориальному разделу стран в регионе, особенно Ирака и Сирии. Наконец, Иран также может стать следующим объектом, по курдскому опыту в первые годы исламской революции. С позиции Запада договор *Sykes-Picot* и установленные им границы давно устарели — гораздо легче будет проникать в более мелкие страны, обеспечивать доступ к нефтегазовым ресурсам региона, а безопасность Израиля укрепитя [16, р. 55].

Во время арабской весны, когда люди были разочарованы оппозицией правителей арабских стран и во главе с ними Саудовской Аравии, было два пути: либо вернуться к недемократическим режимам своих стран, как в Египте и Ливии (при Каддафи), либо к бедности и отсутствию безопасности, как в Ливии (после Каддафи) и Йемене. Позиции ИГИЛ были усилены при поддержке Саудовской Аравии и ее союзников, и арабская весна отклонилась от своего пути. Позже группировка ИГИЛ стала надежным рычагом для противостояния некоторым конкурирующим странам, включая Иран, Ирак и Сирию. Такие группы, как ИГИЛ, опасны не только для Исламской Республики, но и для интересов США и Израиля в долгосрочной перспективе, поскольку могут атаковать союзника Запада — Иорданию. Подобный случай произошел в Афганистане, когда «Аль-Каида», как союзник талибов, спровоцировала инцидент 11 сентября. Ранее США осуществляли подобную политику посреднической войны с помощью афганских моджахедов для противодействия советскому влиянию в Афганистане. США тогда стремились уменьшить и влияние Ирана в Афганистане. Этнические и религиозные последствия такой проблемы теперь видны в Афганистане: столкновения на религиозной почве и отсутствие безопасности все еще характерны для страны.

Многие афганцы-сунниты, часто находящиеся под влиянием Саудовской Аравии и Пакистана, не поддерживают политику Ирана. При этом такфиристские группы, несмотря на их опасность в долгосрочной перспективе, недостаточно эффективны: по мере стихания кризиса их экзистенциальная философия также исчезает [18, с. 30]. Само собой разумеется, что у Исламской Республики Иран также будет возможность сотрудничать с другими исламскими группами, выступающими против такфиристов. Естественно, что подобные действия обеспечивают рациональное и позитивное представление об Исламской Республике и ее революционной идеологии для западных и арабских обществ [18, с. 31].

Другим следствием появления такого рода религиозно-общественных течений для Исламской Республики является то, что западные правозащитные организации и арабские государства выступают против организации мусульманского движения сопротивления и некоторых других исламских течений. В частности, палестинцы стремятся создать независимое государство, а «Хез-

болла» в Ливане и «Ансарулла» в Йемене тяготеют к территориальной обороне. В результате США будет легче называть их террористическими группами. Наконец, их ослабление и репрессии обеспечены. Именно здесь формируется домино, которое в конечном итоге заканчивается в Иране. Поддержка Ираном таких групп дает Соединенным Штатам и их союзникам более благоприятную почву для того, чтобы назвать Иран «сторонником терроризма» [19]. Практически ощутимые результаты этой политики можно продемонстрировать на следующем примере: через несколько недель после убийства генерала Касема Сулеймани, командующего спецподразделением «Аль-Кудс» в Ираке, Президент США Дональд Трамп представил программу «Сделки века» для решения проблемы израильтян и палестинцев.

Спустя четыре десятилетия с момента исламской революции Исламская Республика Иран продолжает оказывать решающее влияние на арабов, особенно шиитов, путем поиска верных союзников на Ближнем Востоке и с лозунгами защиты угнетенных, противостояния доминирующей мировой системе и оказания финансовой и военной помощи. Идея исламской революции мобилизовала мусульман региона, особенно шиитов, против монархических, нередко суннитских, систем, являющихся союзниками Соединенных Штатов Америки. С другой стороны, для недемократических режимов в регионе, для западных союзников и Израиля это также естественная угроза. Учитывая либеральную идеологию Исламской Республики для мусульман и даже немусульман, лучшее, что могло запятнать лицо этой революции, — это появление такфиристских и экстремистских исламских групп. Средства массовой информации также сыграли значительную роль в усилении этой негативной тенденции, что отразилось на усилении исламофобии. За последние несколько лет Саудовская Аравия вместе со своими союзниками против Ирана оказала наиболее значительную помощь в поддержке салафитских и такфиристских движений, таких как ИГИЛ, в регионе. Оппозиция Ирана «Исламскому государству Ирака и Леванта» и открытая борьба с ним в значительной степени способствуют формированию стабилизирующего и мирного образа исламской революции. При этом Иран и его региональные союзники все чаще становятся жертвами обвинений США в религиозном и политическом терроризме. Таким образом, отношение ко всем исламским течениям становится все более пессимистичным, а исламофобия проявляется во всей своей полноте, бросая вызов стратегической цели, которую преследует Исламская Республика.

Библиографический список

1. *Марьясов А.Г.* Геополитические интересы Ирана на Ближнем Востоке. Заметки дипломата // Труды Института востоковедения РАН. 2017. № 5. С. 184–187.
2. *Zahedi Saeed.* Continuous Supply. Tehran: Abed, 2015.
3. *Griffiths M.* Encyclopedia of International Relations and World Politics / Transl. by Alireza Tayeb. Tehran: Ney, 2009.
4. *Shafi'i Seifabadi Mohsen.* Exploring the Roots of Fundamentalism in the Middle East – A Case Study of Globalization // Journal of Hubble Al-Matin. 2014. №. 9.

5. *Ивченко Е.И.* ИГИЛ как мировая террористическая угроза // Устойчивое развитие науки и образования. 2018. № 5. С. 93–98.
6. *Ibrahim Fouad.* ISIL Nostalgia for the Caliphate / Transl. by Mohammad Bolverdi, Mitra Farhadi. Tehran: Andisheh Sazan Noor, 2016.
7. *Shariati Ali.* Alavi Shiites and Safavid Shiites. Tehran: Namah Publications, 2002.
8. *Khomeini Ruhollah.* Sahifah of Imam // Institute for Organizing and Publishing Imam Khomeini's Works. 2000. Vol. 21.
9. *Khomeini Ruhollah.* Sahifah of Imam // Institute for Organizing and Publishing Imam Khomeini's Works. 2000. Vol. 18.
10. *Фролов А.В.* Фактор саудовско-иранских противоречий на Ближнем Востоке (статья II) // Пути в мире и безопасности. 2016. № 2 (51). С. 31–50.
11. *Aghaei Seyyed Davood, Ahmadian Hassan.* Relations between the Islamic Republic of Iran and the Saudi Arabia: Fundamental Challenges and Possibilities // Journal of Politics. 2010. Vol. 40. № 3.
12. *Кулагина Л., Ахмедов В.* Противостояние Ирана и ИГИЛ в Сирии и Ираке // Восточная аналитика. 2015. № 1. С. 8–15.
13. *Рустамова Л.Р.* Усилия Исламской Республики Иран в борьбе с терроризмом в Сирии и перспективы сирийского урегулирования // Национальная безопасность / note bene. 2019. № 5. С. 23–33.
14. *Browning N.* 'Jihadi John' Link Deepens Security Unease in Kuwait // Reuters. 2015. July 7. URL: <https://en-maktoob.news.yahoo.com/jihadi-john-deepens-securityunease-kuwait-132326400.html>
15. *Уолл С.* ИГИЛ как революционное государство // Россия в глобальной политике. 2015. Т. 13? № 6. С. 64–80.
16. *Esposito J.L.* Political Islam and the West // JFQ Forum. 2000. P. 49–55.
17. *Мирский Г.И.* Драма Арабского Востока // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 11. С. 77–87.
18. *Добаев И.* Причины, факторы и формы политизации и радикализации ислама, становления современного терроризма в мире и России // Россия и мусульманский мир. 2016. № 9 (291). С. 16–38.
19. *Pompeo M.* Iran Supports Terrorist Groups // Arutz Sheva. 2018. 29 April. URL: <https://www.israelnationalnews.com/News/News.aspx/245144>